

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией проф. А. Ю. Мельвиля

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 5
**Будущее стабильности
и безопасности в регионе
Центральной Азии**

Редакторы тома:
М. В. Старчак

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В сборнике представлены доклады и выступления, сделанные на секции «Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии», проведенной в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО (У) МИД России, сентябрь 2008 г.)

Антитеррористическая компания в Афганистане, угрозы распространения терроризма, увеличивающегося наркотрафика, высокий энергетический потенциал, обратили на регион Центральной Азии, особое внимание ключевых игроков современного мира. Авторы данного сборника, анализируя самые разные вопросы связанные с социально-экономическим и политическим развитием стран данного региона, приходят к выводу, что рост соперничества и большой потенциал конфликтности, способных стать катализаторами развития негативных тенденций, превращают Центральную Азию в арену противостояния, где выигрыш одного зачастую воспринимается как автоматический проигрыш другого.

Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
А. Л. Зеличенко Легализация афганских наркопосевов и безопасность Центральной Азии.....	11
О. А. Молдалиев Идеология и практика исмаилитских сект в X–XI вв. и салафитских групп в XX–XXI вв.....	17
D. Chaudet The Possible Great Defeat. How The War on Terror Could Be Lost in Greater Central Asia.....	33
С. С. Сафаров Возможные линии развития событий по обеспечению безопасности в центральноазиатском регионе на фоне изменений в международной политике.....	43
М. А. Рахимов Проблемы безопасности и развитие многостороннего сотрудничества в Центральной Азии.....	47
Ю. В. Морозов Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в центральноазиатском регионе.....	53
М. В. Старчак США versus Россия в оборонном и военно-политическом сотрудничестве с Узбекистаном	69
А. А. Куртов ОДКБ и безопасность Центральной Азии	87
О. А. Столповский Интересы Китая по обеспечению безопасности в Центральной Азии	105
В. В. Парамонов Россия и Центральная Азия: многостороннее сотрудничество в сфере безопасности	119
А. Е. Чеботарев Роль Казахстана в геополитике Центральной Азии: оценка возможностей выхода на региональное лидерство	133
Н. А. Кутнаева Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии: противостояние ядерных держав	139
С. В. Голунов Дилемма «безопасность — сотрудничество» в пограничных политиках России и Казахстана по отношению к их совместной границе	151
F. Vielmini Central Asia: From a Region of Confrontation to One of Cooperation of Europe And Russia For The Sake of Eurasian Stability.....	169
М. В. Братерский, А. И. Суздальцев Экономические интересы России, Китая и запада в Средней Азии	181
Об авторах	193

Экономические интересы России, Китая и запада в Средней Азии

М. В. Братерский, А. И. Суздальцев

В последние 15 лет, приблизительно с 1993 г., тематика Средней (Центральной) Азии прочно заняла ведущее место во внешнеполитических аналитических изданиях. В эти годы бывали периоды, когда публикации о Средней Азии появлялись чаще, в 1993–1997 гг., когда американская внешняя политика повернулась лицом к этому региону в поисках новых возможностей, а также в 2005–2008 гг., когда рост мировых цен на сырье придал новый толчок интересу иностранных государств к ресурсам региона. Бывали периоды, когда о перспективах взаимодействия иностранных держав со среднеазиатскими государствами писали реже. Как правило, это были периоды, когда мировая экономическая и политическая конъюнктура выдвигала на первый план другие приоритеты — будь это Ирак, Афганистан или страны Латинской Америки.

Просматривая отечественную и зарубежную литературу, посвященную Средней Азии, можно выделить две центральные темы, в первую очередь занимавших специалистов в прошедшие годы. В первую очередь, внимание экспертов было сконцентрировано на проблемах безопасности региона и вопросах внешнеполитического влияния и конкуренции внешних игроков — России, Китая, США и европейцев в лице ЕС и НАТО — в регионе²⁶⁹.

Другая тема, постоянно привлекающая внимание специалистов по геополитике и энергетике — это вопросы контроля над добычей и, особенно, транспортировкой энергоресурсов Каспийского региона. По этому вопросу также написано много статей и специализированных работ, в основном авторы анализируют возможно-

²⁶⁹ Menon R. The New Great Game in Central Asia. *Survival*, vol. 45, Issue 2 January 2003; Harris L.C., Xijiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in Islamic World. *The China Quarterly*, vol. 2, 1993; Starr S.F. A Partnership for Central Asia. *Foreign Affairs* July/August 2005; Allison R. Strategic Reassertion in Russia's Central Asia Policy. *International Affairs* Volume 80 Issue 2, 2004; Наринский М. М., Мальгин А. В. Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. М., Логос, 2003; Мальшева Д. Б. Центральная Азия и Южный Кавказ: Региональная безопасность в эпоху нового миропорядка. В: Россия и мусульманский мир. ИНИОН РАН, Институт востоковедения РАН, М., 2002.

сти внешних игроков в регионе контролировать и создавать новые пути экспорта энергоресурсов на мировые рынки, а также политические, экономические и геополитические последствия тех или иных проектов. Существенная часть анализа сфокусирована на соперничестве основных игроков — России, США, Европы, КНР и их проектов между собой²⁷⁰.

Не отрицая первостепенной важности вопросов международной и энергетической безопасности в Средней Азии, как для самих стран региона, так и для России, следует заметить, что у основных внешних игроков в регионе — России, КНР, США, Европы — наряду с интересами национальной безопасности и интересами в доступе к энергетическим ресурсам региона существуют и более широкие экономические интересы в Средней Азии. Эти интересы выглядят менее ярко по сравнению с центральными аспектами их политики в регионе, но они существуют, и в долгосрочном плане могут оказаться не менее важными, чем интересы безопасности и энергетики. Этот аспект политики внешних держав в регионе изучен менее подробно²⁷¹, но также заслуживает внимания. Данная статья является попыткой анализа экономических интересов России, КНР, США и Европы в Средней Азии. Сегодня, когда в геополитической борьбе внешних игроков в Средней Азии наступило определенное затишье, стоит попытаться проанализировать экономические интересы внешних держав в регионе и определить, насколько они противоречат — или дополняют — друг друга.

Современная политико-экономическая ситуация в регионе

Экономическая политика основных внешних игроков, прежде всего России, в регионе неразрывно связана с политико-экономическими условиями для инвестиций, существующими в странах Средней Азии. В целом можно сказать, что страновые и политические риски в большинстве государств Средней Азии (за исключением, возможно, Казахстана) достаточно высоки, и это обстоятельство существенно снижает активность российского и другого иностранного бизнеса в регионе.

Прежде всего, особую озабоченность вызывает наличие на территории данного региона двух вялотекущих региональных конфликтов (Узбекистан — Таджикистан, Узбекистан — Киргизия). За годы после распада СССР противостояние между этими странами несколько раз буквально чудом останавливалось у рубежа полномасштабного военного конфликта. Ситуация отягощена наличием в регионе двух

²⁷⁰ Cohen A. U.S. Interests and Central Asia Energy Security. Background 1984, Heritage Foundation, November 2006; Dorian J.P. Central Asia: A Major Emerging Energy Player in the 21st Century. *International Energy Economist*, December 2005; Blank S.J. Eurasian Energy Triangle: China, Russia, and the Central Asian States, *Brown Journal of World Affairs*, 2005; Karayianni M.S. Russia's Foreign Policy for Central Asia Passes through Energy Agreements. *Central Asia and the Caucasus*, 2003, № 3; Томберг И. П. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «Большой энергетической игры». — Lulea: ИАЦ "Central Asia and the Caucasus" № 5, 2006; Звягельская И. Д. Факторы нестабильности на постсоветском пространстве (Центральная Азия и Кавказ). Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии (под общ. ред. и рук. А. В. Торкунова). М., МГИМО; Навона (Москва), 2007.

²⁷¹ Зевин Л. Э., Ушакова Н. А. Россия и Центральная Азия проблемы и перспективы экономических отношений. В Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — ИВ РАН, № 2, 2005; Юданов Ю. И. Центральная Азия — новый фаворит иностранных инвесторов. *Мировая экономика и международные отношения*, № 3/2000; Трудовые ресурсы и трудовой потенциал. Москва, Институт евразийских исследований, 2006.

стран, по сути попадающих в категорию «несостоявшихся государств» — Киргизстана и Таджикистана. Они стремительно деградируют, их правительства не вполне контролируют национальную территорию, не могут обеспечить населению минимально приемлемые стандарты жизни и развития.

Вызывают озабоченность отношения между Узбекистаном и Туркменией, сохраняется напряженная ситуация и на узбекско-казахстанской границе. Нетрудно заметить, что в центре большинства региональных проблем находится Узбекистан, который остается сосредоточием внутренних социальных и конфессиональных противоречий, не имеющих перспектив и собственных ресурсов для своего разрешения. Аграрная перенаселенность (в Ферганской долине на одного мужчину приходится 0,1 сотки земли), крайне тяжелое социально-экономическое положение населения, безнадежная безработица делают ситуацию исключительно напряженной.

Традиционное восприятие политико-экономических проблем Центральной Азии через призму водно-энергетического кризиса сегодня несколько модифицируется. Уроки зимы 2007–2008 гг., когда энергетический комплекс Таджикистана оказался в полном коллапсе, продемонстрировали нарушение традиционной монополии «горцев» на воду и электроэнергетику. Вместе с тем, все планы по инвестициям в энергетический комплекс Таджикистана и Киргизстана пока нереалистичны. В регионе и у внешних игроков отсутствуют необходимые финансовые ресурсы, утеряны технологии и «школы» создания мощных гидроэнергетических сооружений в горной местности, реализации проектов мешают политическая нестабильность, коррумпированность властей и неясная ситуация с защитой прав инвесторов.

Политическая ситуация в Таджикистане, в частности, осложнена влиянием афганского наркотрафика — производство наркотиков в Афганистане после 2002 г. выросло в десять раз. Почти весь афганский наркотрафик направился на север, к России. Его человеческую инфраструктуру составляют почти 400 тыс. афганцев, расселившихся по югу Таджикистану и укоренившихся там. Сформировались даже собственные местные афганские органы власти. Политическая ситуация в Таджикистане непрозрачна, плохо диагностируется и не прогнозируется. В Таджикистане постепенно растет влияние Ирана и Душанбе становится все ближе к иранскому «миру», включающий в себя также и запад Афганистана.

Узбекистан, имеющий вполне боеспособную армию, воспринимается в Душанбе как противник. Границы между республиками заминированы, что еще больше стимулирует взаимное недоверие. Этническое давление узбеков сказывается и на самом Таджикистане — на севере республики усиливается влияние узбекской диаспоры. Фактически на территории Таджикистана происходит ренессанс старых, еще средневековых традиций противостояния Ирана и узбеков — цивилизационный раскол, один из древнейших в Центральной Азии.

Усиливается вероятность распада Киргизстана. Начавшийся отток казахского капитала, который совсем недавно считали главным «скупщиком» киргизских производственных активов, является индикатором общего политико-экономического неблагополучия в республике. Юг Киргизстана постепенно стал базой узбекского исламистского подполья. Здесь находятся исламистские лагеря и учебные центры, здесь формируется кадры для гражданской войны в Узбекистане. Большинство (более 60%) населения юга Киргизии составляют узбеки, и этнический баланс продол-

жает быстро меняться в сторону Ташкента. Киргизы постепенно вытесняются на север, к Бишкеку. Едва ли не главным источником удержания достаточно низкого уровня жизни в республике является трудовая миграция из республики — наиболее квалифицированная и русскоязычная в сравнении с другими регионами Средней Азии.

Растущее беспокойство вызывает складывающаяся ситуация в Казахстане. В сентябре–ноябре 2007 г. Казахстан пережил внутренний дефолт, что полностью перечеркнуло многолетнюю пропагандистскую кампанию, которую вели компетентные казахстанские органы не только в Москве, но и по всему миру. Внимательный взгляд на экономическую и политическую ситуацию в Казахстане позволяет диагностировать тяжелый внутренний кризис. Идеи о появлении в перспективе на постсоветском пространстве нового, второго после Москвы, субъекта мировой политики — Астаны, похоже, утратили свою актуальность.

Общие политико-экономические тенденции и факторы одновременно объединяют и разобщают правящие круги стран Центральной Азии. С одной стороны, стремление создать новую сеть транзитных коммуникаций для экспорта энергоносителей объединяют Ашхабад, Ташкент и Астану, так как именно через Казахстан Центральная Азия может организовать продажу своего газа на Восток. С другой стороны, политические опасения в отношении Китая явно доминируют над стремлением расширять с Пекином взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Нарастающая нестабильность в Центральной Азии, видимо, вызывает опасения и в Китае, который старается изолировать Синьцзян от Афганистана и дестабилизирующих факторов Ферганской долины.

Надвигающаяся смена власти в Казахстане и Узбекистане (Назарбаев и Каримов находятся у власти по два десятка лет) может подтолкнуть начало регионального кризиса.

В регионе завязался сложный узел противоречий, затрагивающий не только Россию, но и другие страны СНГ. Стоит напомнить, что дестабилизация в регионе мгновенно разрушает не только транзитно-энергетические амбиции Баку, но и перечеркивает все надежды Киева и Минска на получение альтернативных российских энергопоставок.

Россия в силу своего географического положения непосредственно связана с надвигающимся кризисом. Удержать шесть тысяч километров российско-казахстанской границы ни физически, ни технически невозможно. Москве будет трудно в одиночку удержать ситуацию под контролем без участия европейцев и американцев, но практика показала, что европейцы заинтересованы исключительно в доступе к среднеазиатским ресурсам, а США озабочены исключительно китайским фактором и войной в Афганистане.

Роль ОДКБ в грядущей дестабилизации во многом непонятна, так как данный военно-политический блок связан добровольными соглашениями между входящими в него странами. НАТО, как показал афганский опыт, в данном регионе оказалась достаточно неэффективной структурой. При этом НАТО категорически отказывается от контактов со своим естественным союзником в данной части Евразии — ОДКБ. Не исключена перспектива ухода НАТО из Афганистана — это еще более осложнит ситуацию в Таджикистане и Киргизии.

Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии

Экономика региона

Средняя Азия считается одним из новых, быстро растущих рынков Евразии, привлекательном для инвестиций РФ, ЕС, КНР и США. Собственные экономические интересы в регионе имеют соседние государства, часть из которых претендует на роль региональных держав — Турция, Иран, Афганистан. Средняя Азия представляет интерес благодаря своему энергетическому и транзитному потенциалу, а также запасам полезных ископаемых.

Инвестиции в добычу и поставку энергоносителей на внешние рынки занимают лидирующие позиции в капиталовложениях в экономику региона, но остаются недостаточными для развития топливно-энергетического комплексов Казахстана и Туркменистана.

Производство и экспорт хлопка является важнейшей отраслью в Узбекистане и Таджикистане, но развитие хлопководства сдерживает государственный контроль и проблемы обеспечения водой. Между тем, мировые рынки испытывают потребность в среднеазиатском хлопке.

Регион является одним из мировых лидеров по запасам урана, представляет интерес экспорт алюминия (Таджикистан). Однако неразвитая транспортная инфраструктура, коррупция, налоговая и тарифная политики национальных государств региона, напряженность на границах, а также специфика ведения бизнеса в этих странах сдерживают включение Средней Азии в мировой рынок.

Энергетические ресурсы региона достаточно велики. В частности, Казахстан обладает наибольшими доказанными нефтяными запасами в Средней Азии объемом 9–29 миллиардов баррелей, а также имеет, по разным оценкам, от 20 до 25 триллионов кубических метров природного газа. Нефтяной экспорт Казахстана в настоящее время составляет приблизительно 1,3–1,5 миллиона баррелей в день, что представляет значительный ресурс. В частности, октябрьское решение стран ОПЕК этого года о сокращении добычи нефти ограничивает квоту страны в 1,5 млн баррелей нефти в сутки.

Туркмения, по последним данным обладает более 37,5 трлн кубических метров запасов газа, что соразмерно с доказанными запасами России⁷⁷.

По сравнению с Казахстаном и Туркменистаном, Узбекистан обладает более умеренными запасами углеводородов, которые, тем не менее, позволяют ему экспортировать свой газ в Киргизию и Таджикистан.

До последнего времени России удавалось сохранять контроль над экспортом энергоресурсов из региона. Поставка центральноазиатского газа на российские и европейские рынки продолжается по системе еще советских газопроводов «Средняя Азия—Центр».

ОАО «Газпром» заключил 20-летний контракт на основную часть газа Туркмении. Тем не менее, в декабре 1997 г. президент Туркменистана С. Ниязов открыл небольшой трубопровод в Иран (Корпедже—Курджуй), что позволяло ему поставлять на экспорт в обход России от 5 до 8 млрд м. куб. газа в год. В 2008 г. Ашхабад, Ташкент и Астана пришли к соглашению с КНР о строительстве газопровода в Китай (30 млрд кубометров в год). Ввод в действие намечен на 2010 г.

⁷⁷ <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.142749.html>.

Изменилась и ценовая политика ОАО «Газпрома» в отношении поставщиков газа из Средней Азии. С 2009 г. цены закупки газа будут максимально приближены к рыночным, что должно снизить потребность Казахстана и Туркменистана в строительстве Транскаспийского газопровода. Вместе с тем, еще осенью 2007 г. руководство Казахстана предлагало президенту Туркменистана объединить или скоординировать свои финансовые претензии к России по условиям продаже газа и приступить к консультациям о строительстве Транскаспийского трубопровода²⁷³.

Нефть, добываемая в регионе, поставляется на внешние рынки по системе российских нефтепроводов. Российские акционеры имеют контрольный пакет акций в Каспийском Консорциуме трубопроводов (КТК), который с 2001 г. по новому нефтепроводу поставляет нефть из Казахстана в порт Новороссийск. Однако в октябре 2005 г. Казахстан и Азербайджан договорились поставлять часть казахстанской нефти по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан и только последствия августовской войны 2008 г. в Закавказье несколько охладили интерес Астаны к данному маршруту экспорта нефти.

Первый казахский экспортный нефтепровод, не пересекающий Россию, был закончен в конце 2005 г. и соединил Атырау на Каспийском побережье Казахстана с провинцией Хиньянг в Китае. Его производительность будет доведена до 45 млн тонн нефти в год.

К настоящему времени можно полагать, что основные векторы экспорта энергоносителей (прежде всего природного газа) из региона Средней Азии полностью сформированы. Это:

- Прикаспийский, рассчитанный на российский транзит;
- Транскаспийский, рассчитанный на стыковку с Nabucco;
- Восточный, ориентируемый на рынок КНР.

Таблица.

Развитие газотранспортной сети Средней Азии до 2012 г.

Газопровод	Мощность (млрд м. куб, млн тонн)	Вступление в строй
Прикаспийский газопровод	20,0–30,0	2010 г.
Транскаспийский газопровод	10,0–20,0	2011–2012 гг.
Nabucco	25,0–31,0	2012 г.
Казахстан (Туркмения, Узбекистан) — Китай	40,0	2010 г.

Экономические интересы России

В последние годы экономические позиции России в регионе ощутимо укрепились, но не стали доминирующими. Некоторое время России удавалось наращивать свое присутствие в Средней Азии, опираясь на «андижанский синдром» руковод-

²⁷³ Казахстан предлагает Туркмении вместе определять «выгодную» цену на газ. — (<http://www.afn.by/news/default.asp?pg=2&newsid=90381#data>).

Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии

ства стран региона. Однако, как и в 1990-е гг., интеграционные процессы, призванные связать экономики России и стран Средней Азии, по-прежнему стагнируют, их развитию не помогли и новые инициативы в рамках ЕврАзЭС и ШОС.

К сожалению, основные усилия России в регионе Средней Азии направлены на сохранение экономического и политического статус-кво, упрочению изоляции рынков региона от мирового, навязыванию России в качестве геополитического посредника. Сдерживая свою экономическую экспансию, Россия рискует проиграть в намечившейся схватке за передел сфер влияния в регионе.

С одной стороны, критикуя Россию за «нерасторопность» ее капитала в Средней Азии, его нежелание инвестировать в общезначимые совместные проекты и программы, от которых зависит общественно-политическая и стратегическая стабильность в странах, необходимо признать, что защищенность российских инвестиций в Таджикистане, Киргизии, Казахстане, Узбекистане находится на критично низком уровне. С другой стороны, очевидно, что самоустранение России от участия в решении водно-энергетической и транспортно-коммуникационной проблем, а также решения иных экономических задач в регионе в перспективе может негативно сказаться на проблеме обеспечения национальной безопасности России с южного направления.

В силу специфики сложившихся за столетия экономических отношений между Россией и Средней Азией, страны региона по-прежнему рассчитывают на российскую экономическую помощь. Широко распространено мнение, что экономическая финансовая, рыночная и технологическая поддержка России должна быть безусловной и должна ставить своей задачей снижение социально — экономической напряженности в регионе, высокий уровень которой способствует росту экстремистских настроений²⁷⁴.

Российское руководство продолжает попытки сохранить за Россией монополию на доставку среднеазиатских углеводородов на мировые рынки. Согласовав в июне 2007 г. с президентами Казахстана и Туркменистана строительство Прикаспийского газопровода, в сентябре 2008 г. премьер-министр РФ В. Путин договорился с узбекским руководством о строительстве на территории Узбекистана газопровода, параллельного советским «Средняя Азия-Центр-1» и «Средняя Азия-Центр-2». Новая труба будет транспортировать газ из Туркменики через Казахстан в Центральную Россию.

Энергетический интерес России к региону не исчерпывается углеводородами. После распада СССР Россия осталась без серьезных месторождений урана, а российская ядерная промышленность — без сырья. В настоящее время РФ располагает только одним промышленным рудником в Читинской области, поставляющем 2 тыс. тонн урана в год при потребности в 4 тыс. т²⁷⁵. Добыча урана в Узбекистане, обладающем солидными запасами (25% мировых запасов урана)²⁷⁶, становится безальтерна-

²⁷⁴ Майкова Г. Центральная Азия — парадоксы российской политики, американские инновации и ближайшие перспективы региона. — (<http://centrasia.ru/newsA.php4?st=1172572320>).

²⁷⁵ Ваганов А. Урановая трещина. Россия скоро будет не обойтись без Узбекистана. — «Независимая газета», 12.07.2006.

²⁷⁶ Там же.

тивным. Однако уже сейчас Россия сталкивается с серьезной конкуренцией за право разрабатывать узбекский уран со стороны японских и южнокорейских компаний.

Основной интерес российского капитала по-прежнему сосредоточен в сфере энергетики. В частности, после многолетних переговоров в январе 2008 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмон, заместитель председателя правительства РФ Сергей Нарышкин и председатель правления РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс торжественно запустили в эксплуатацию первый гидроагрегат «Сангтудинской ГЭС-1» на реке Вахш, чем ознаменовали постепенное возвращение России к решению водно-энергетической проблемы Средней Азии²⁷⁷.

Содействие России вступлению в строй первых агрегатов Сангтудинской ГЭС (профильный проект ЕврАзЭС) подготовило встречу по водно-энергетической проблеме, состоявшейся 10–11 октября в Бишкеке на саммите СНГ — ЕврАзЭС. Россия стимулировала попытку договориться странами региона о правилах диалога по водно-энергетическим вопросам. Попутно России пришлось выступить в роли медиатора противоречий между Ташкентом и Бишкеком, Москва пообещала выступить финансовым посредником в поставке узбекского газа в Киргизию. При содействии России «достигли согласия также и Ташкент с Душанбе по важному вопросу использования воды трансграничной Сырдарьи»²⁷⁸. Однако в целом, ни в рамках ЕврАзЭС, ни среднеазиатских интеграционных инициатив реального продвижения в решении водно-энергетической проблемы не наблюдается. Сангтудинская ГЭС не является основным звеном в стратегии обеспечения аграрного сектора Средней Азии водой и энергией, другие проекты не могут быть реализованы силами местных государств. Знаниями и опытом решения данной проблемы в регионе Средней Азии обладают только российские специалисты и российские энергетические компании. Участие их в решении водно-энергетической проблемы должно быть обеспечено на политическом уровне.

Политической же поддержки российскому бизнесу пока не хватает: в регионе практикуется втягивание российских корпораций в экономические проекты, от участия в которых по тем или иным причинам отказались европейские или американские инвесторы. В частности, не первый год идет упорный торг по поводу участия российского бизнеса в проекте «Стройтрангаз» (Узбекистан) — комплекс по производству сжиженного газа на Мубарекском газоперерабатывающем заводе, расходы на строительство которого выглядят завышенными. Узбекская сторона использует заинтересованность «ЛУКОЙЛа», который планирует добывать в Узбекистане газ, для навязывания ему участия в проекте. Между тем, как отмечается в российской печати, «узбекские власти воздерживаются от предоставления российским компаниям режима наибольшего благоприятствования в торговле»²⁷⁹. Имеются свои сложности для российского бизнеса на рынках Таджикистана, Киргизии, Казахстана.

Интересы российской промышленности продолжают группироваться вокруг производственных активов, оставшихся в наследство от Советского Союза и состоящие в производственной кооперации с российскими предприятиями. В частности,

²⁷⁷ «Независимая газета», (http://www.ng.ru/cis/2008-01-21/7_tadgikistan.html).

²⁷⁸ Дубнов А. Бишкекские сенсации СНГ. — «Время новостей», 13.10.08.

²⁷⁹ Сидинье П. Шампанское с газом. — «Российская газета. Федеральный выпуск», № 4742 от 03.09.08.

Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии

в 2008 г. было согласовано вхождение Ташкентского авиационного производственного объединения в ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация»²⁸⁰. На данный момент доля российских авиадеталей и узлов в общем объеме производства предприятия превышает 85%. Правда, выгодность данной сделки до сих пор вызывает сомнения.

Экономические интересы КНР

В настоящее время КНР является вторым по объему потребителем энергии в мире после Соединенных Штатов²⁸¹. КНР не обеспечивает свои потребности внутренними источниками энергии уже с 1994 г., а к 2015 г. КНР будет импортировать 50% энергии²⁸². По этим причинам, в центре китайских экономических интересов в Средней Азии стоит импорт углеводородов, и ряд китайских экономических проектов в регионе — например, казахстано-китайский трубопровод (ККТ, Атасу — Алашанькоу) — направлены на решение проблем снабжения китайского внутреннего рынка энергией.

Второй экономический интерес КНР в этом регионе — превращение его в рынок сбыта китайских товаров, особенно товаров, произведенных в западном Китае, сравнительно неразвитой и бедной части страны²⁸³. На сегодняшний день, товарооборот КНР со странами Средней Азии составляет небольшую долю его внешней торговли, но растет, и включает не только сырье, но и продукцию машиностроения, электронику и высокотехнологические изделия. Инвестиции КНР в Среднюю Азию (за исключением энергетической отрасли) сравнительно невелики и сконцентрированы в текстильной, горнодобывающей и пищевой промышленности. Они сдерживаются местной коррупцией, проблемами безопасности для инвестиций и отсталой транспортной сетью в регионе. Китай постепенно решает некоторые из этих проблем путем соединения своей железнодорожной сети с Узбекистаном, Киргизстаном и Таджикистаном. На политическом уровне, КНР пытается воздействовать на власти государств Средней Азии с тем, чтобы создать более безопасный и привлекательный климат для инвестиций.

Долгосрочной экономической целью Китая в регионе является превращение Средней Азии в свободный рынок — источник сырья для китайской экономики и рынок сбыта китайских товаров. В этом вопросе экономические интересы КНР сталкиваются с экономическими интересами России, которая настороженно относится к идее свободного рынка в регионе, и с интересами Европы, которая также заинтересована в доступе к энергоресурсам Средней Азии и Каспия.

Развитие трубопроводной сети между Средней Азией и западными областями Китая переводят соперничество между КНР и ЕС в область геополитической конку-

²⁸⁰ РИА Новости, (<http://www.afn.by/news/default.asp?newsid=95329#data>).

²⁸¹ Kenny H. J. "China and the Competition for Oil and Gas in Asia". — "Asia-Pacific Review", vol. 11, № 2, 2004, pp 36–47.

²⁸² Gill B. and Oresman M. CHINA'S NEW JOURNEY TO THE WEST: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests. CSIS Reports, 2005. p. 21.

²⁸³ Swanström, N. "Chinese Business Interests in Central Asia: a Quest for Dominance" in Central Asia-Caucasus Analyst, Central Asia — Caucasus Institute, June 18, 2003, (www.cactianalyst.org).

ренции. Учитывая, на европейском рынке энергоносителей исторически сложились более привлекательные цены, чем на пока развивающемся рынке Китая, страны-экспортеры углеводородов имеют возможность выбора. Однако Китай, менее связанный с политическими проблемами при создании энергетических коммуникаций, явно опережает ЕС. Первый туркменский газ поступит в КНР уже в 2010 г.

Экономические интересы Европы

Основные экономические интересы стран ЕС в регионе Средней Азии сконцентрированы вокруг проблемы создания альтернативного российскому доступу к месторождениям углеводородов, что отвечает задаче диверсификации источников энергии, поступающей в Евросоюз. Данная стратегия строится на том, что среднеазиатские углеводороды остаются последним ближайшим к Европе энергетическим ресурсом, пока не задействованном странами Евросоюза должной мере.

Европа учитывает стремление России сохранить контроль над энергетикой Средней Азии, но рассчитывает, что Брюссель сможет уравновесить политическое давление Москвы. Среднеазиатские государства вполне довольны сложившейся ситуацией и не отказываются от политических и экономических возможностей, предоставляемых игрой на два фронта — Россия и ЕС. Помимо диверсификации путей экспорта энергоносителей, новые коммуникации предоставят государствам региона возможности для активизации своих политических амбиций²⁸⁴.

Газопровод Nabucco остается основным проектом объединенной Европы, призванным обеспечить ЕС устойчивый доступ к газовым месторождениям Средней Азии. В сентябре 2007 г. к проекту присоединилась Франция²⁸⁵ в лице государственной компании Gaz de France. Концепция газопровода, изначально проектируемого до восточной границы Турции, менялась неоднократно. Ориентация на иранский газ, видимо, не оправдала себя и сейчас будущее Nabucco увязывается со среднеазиатским газом. В этом варианте Транскаспийский газопровод превращается в обязательный и неотъемлемый компонент Nabucco. Однако после августовской войны в Закавказье важный транзитный участник будущей энергетической сети — грузинский — поставлен под вопрос. Не исключено, что со временем, к газопроводу Nabucco будет подключена и южная «труба», идущая из Ирака и стран Персидского залива и, возможно, в случае политических изменений, и Ирана.

ЕС продолжает работу с Астаной по вопросу строительства траскаспийского нефтяного трубопровода (в настоящее время Казахстан завозит нефть в Баку танкерами). Транскаспийский нефтепровод должен стать составной частью нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, что во многом решит проблему загрузки терминала в турецком порту Джейхан.

Особую роль в попытках привязать среднеазиатские энергоносители к европейским энергетическим рынкам играют страны центральной Европы, прежде всего Польша, которая в сотрудничестве с Украиной пытается создать новые маршруты поставок нефти из Казахстана, минуя территорию России. Польша имеет свои варианты транспортировки казахской нефти, которые несколько отличаются от общей

²⁸⁴ <http://centrasia.ru/newsA.php4?st=1169588400>.

²⁸⁵ <http://www.polit.ru/news/2007/09/14/gaz.popup.html>.

Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии

стратегии ЕС и США. Ставится задача «перехвата» поступившей в Баку нефти Казахстана и перегрузка ее в порту Супса на черноморском побережье Грузии в Одессу. Польша, в случае поступления казахстанской нефти на терминалы Одессы, готова получать ее через достроенный к 2011 г. польский участок (Плоцк — Гданьск) украинского нефтепровода Одесса — Броды.

В 2008 г. российское руководство смогло торпедировать предложения президента Польши Леха Качинского, прибывшего в Астану с официальным визитом. Москве пришлось пойти на серьезные уступки Казахстану: увеличить объем поставок нефти по российской территории в ближайшие 5 лет, подписать соглашение о строительстве в Казахстане АЭС, увеличить инвестиции в экономику Казахстана и т.д. Политическим решением проблемы появления нового «польского» энергокоридора стало заявление президента Казахстана Н. Назарбаева о готовности Казахстана принять участие в проекте Л. Качинского при условии подключения к нему России²⁸⁶.

Однако, с учетом того, что к 2015 г. Казахстан планирует удвоить нефтедобычу (с 63 млн тонн до 130 млн тонн в год), у польского проекта имеются определенные перспективы. Дело в том, что увеличить мощность КТК крайне сложно, и не только по техническим причинам: отгрузка казахской нефти с терминала в Новороссийске увеличивает нагрузку на проливы Босфор и Дарданеллы.

Подчеркнем, что экономические интересы Евросоюза в Средней Азии сгруппированы исключительно вокруг вопросов обеспечения энергобезопасности ЕС и расширения транспортной инфраструктуры. Участие деловых кругов стран Европы в иной инвестиционной деятельности на территории Казахстана Узбекистана, Киргизии, Таджикистана ограничено.

Экономические интересы США

США системно подходят к определению своих экономических интересов в регионе Средней Азии, увязывая их с европейской региональной стратегией и своими экономическими целями в отдельных странах Средней Азии. Одной из основ экономической политики США в данной части Евразии является ликвидация изолированности Средней Азии от мировых рынков, что включает активизацию международных экономических связей между государствами региона и Европой. Стратегическая цель США состоит в ослаблении позиций ОПЕК на мировых энергетических рынках, чему должно способствовать дополнительное независимое предложение энергоносителей Средней Азии на мировом рынке.

Оказывая содействие Средней Азии в расширении транспортной инфраструктуры, США решают, как экономические, так и военно-стратегические задачи. К такого рода объектам относится строительство транспортных коммуникаций между Таджикистаном и Афганистаном.

Различные государственные и негосударственные фонды активно изучают регион, обучают кадры, выступают в роли советников и оказывают различные консалтинговые услуги по сопровождению американского и европейского бизнеса в Казахстане, Узбекистане и Киргизии. В настоящее время двусторонние инвестиционные соглашения у США имеются только с Казахстаном и Киргизией.

²⁸⁶ <http://21.by/u.php?u=http://www.kommersant.ru/doc.html?docId=755102>.

Крупные инвестиции американских корпораций в экономику региона сосредоточены в основном в казахстанском топливно-энергетическом комплексе, где практически во всех проектах в небольших объемах присутствует американский капитал. В иных сферах экономики американские инвесторы активности не проявляют. Вашингтон не желает быть втягиваться в сложные и финансово затратные проблемы региона, прежде всего, водно-энергетическую, предпочитая наблюдать за усилиями властей Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России со стороны.

В целом США выступают основным центром лоббирования создания новых энергетических маршрутов, огибающих территорию России, активны в создании различного рода проектов и схем, обеспечивающих альтернативные российским выходы среднеазиатских энергоносителей на мировые рынки. Одновременно, США стараются удержать среднеазиатские страны от использования транзита через Иран. Соединенные Штаты продвигают проект Транскаспийской газовой магистрали, который является альтернативой российскому Прикаспийскому маршруту. Так, в сентябре 2007 г. усилиями представителя Госдепартамента США Дэниэла Салливана удалось сорвать встречу в Ашхабаде президентов России, Туркмении и Казахстана по вопросу строительства Прикаспийского газопровода.

Иранская проблема оказывает серьезное влияние на экономическую и политическую стратегию США в регионе, во многом ограничивает возможности Вашингтона в Туркменистане и, особенно, в Таджикистане, где интересы США концентрируются на вопросах оказания содействия Ашхабада проведению операций войск США и НАТО в Афганистане против талибов.

Как представляется, Россия могла бы воспользоваться инвестиционной пассивностью США в регионе, для укрепления своих позиций в экономике стран Средней Азии.

Заключение

Как показывает приведенный выше обзор экономических интересов внешних держав в среднеазиатском регионе, за рамками узко энергетических вопросов их интересы не являются противоречивыми. В сфере энергетики также сформировался своеобразный баланс: на сегодняшний день все основные игроки обеспечили себе определенную долю в энергетике региона, и никто из них не смог обеспечить себе монопольное положение. Ситуация может кардинально измениться лишь при изменении международного статуса Ирана. При выходе Ирана из международной изоляции государства Средней Азии могут получить альтернативный выход на мировые энергетические рынки, что резко ослабит позиции России, Европы и США. КНР свои позиции в любом случае сохранит и усилит. В остальных сферах экономики преимущественные позиции для продвижения своих экономических интересов в регионе имеют Россия и КНР. Они придерживаются разных стратегий, в существующих политических условиях в Средней Азии (тип политических режимов). Стратегия России достаточно эффективна, но не обладает достаточной гибкостью. России следует рассматривать Среднюю Азию как многопрофильный ресурс, и начинать усиливать свое экономическое присутствие там уже сейчас.

Об авторах

Братецкий Максим Владимирович — профессор кафедры мировой политики Государственного университета — Высшая Школа Экономики, исполнительный директор школы российских исследований ГУ — ВШЭ, доктор политических наук

Vielmini Fabrizio — associated researcher, Milan Istituto Studi Politica Internazionale, (Italia), currently in force to the EU Civilian Monitoring Mission to Georgia

Голунов Сергей Валерьевич — доцент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета, директор Центра региональных и трансграничных исследований ВолГУ, кандидат исторических наук

Зеличенко Александр Леонидович — полковник милиции, международный эксперт в области наркополитики (Бишкек, Кыргызская Республика), кандидат исторических наук

Куртов Аждар Аширович — аналитик Российского института стратегических исследований

Кутнаева Нурия Асылбековна — ведущий эксперт Исследовательского Центра Седеп «Политика, религия и безопасность» (Бишкек, Кыргызская Республика)

Молдалиев Орозбек Абдысаламович — директор Исследовательского Центра Седеп «Политика, религия и безопасность», и.о. профессора Дипломатической Академии МИД Кыргызской Республики, кандидат политических наук

Морозов Юрий Васильевич — ведущий научный сотрудник Центра ШОС и региональных проблем безопасности Института Дальнего Востока РАН, кандидат военных наук

Парамонов Владимир Владимирович — независимый аналитик (Ташкент, Республика Узбекистан), кандидат политических наук

Рахимов Мирзохид Акрамович — заведующий отделом «современной истории и международных отношений» Института Истории Академии наук Республики Узбекистан, кандидат исторических наук

Сафаров Сайфулло Садуллоевич — заместитель директора Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, кандидат философских наук, профессор

Об авторах

Старчак Максим Владимирович — руководитель группы по проблемам международной безопасности и конфликтов МО РАПН, координатор Российской молодежной ассоциации евро-атлантического сотрудничества

Столповский Олег Анатольевич — независимый аналитик (Ташкент, Республика Узбекистан)

Суздальцев Андрей Иванович — доцент кафедры мировой политики Государственного университета — Высшая Школа Экономики, кандидат исторических наук

Чеботарев Андрей Евгеньевич — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Алма-Аты, Республика Казахстан), кандидат политических наук

Chaudet Didier — master of arts, french-version editor Electronic Collection «Russie.Nei. Visions» Institut français des relations internationales